

ЧЕЛОВЕК КАК ЦЕННОСТЬ

Новая теория безопасности в эпоху искусственного интеллекта

Сергей Николаевич Гриняев

Москва · 2026

Сергей Гриняев

**Человек как ценность: новая
теория безопасности в эпоху
искусственного интеллекта**

«Автор»

2026

Гриняев С.

Человек как ценность: новая теория безопасности в эпоху
искусственного интеллекта / С. Гриняев — «Автор», 2026

Книга посвящена разработке новой теоретической концепции безопасности человека в условиях стремительного распространения систем искусственного интеллекта. Центральный тезис работы состоит в том, что человечество превратилось в информационную экосистему: его культурное и поведенческое наследие служит обучающей средой для ИИ-моделей, которые используются для управления людьми. Традиционные правовые и институциональные инструменты безопасности не охватывают новые формы скрытого воздействия на человека, редуцируя его к ресурсу и объекту оптимизации. На основе анализа исторических примеров деградации человечности, многоуровневой модели скрытого управления и современных технологических тенденций предложена интегральная стратегия безопасности, ориентированная на защиту человечности, автономии и субъектности личности. Работа адресована исследователям в области международных отношений, философии права, этики технологий, специалистам в сфере государственной политики и международной безопасности.

© Гриняев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Как читать эту книгу	6
Введение	8
Глава 1. Теоретические основания: человечность, автономия, субъектность	10
Глава 2. Исторический анализ деградации человечности: уроки для современности	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Гриняев

Человек как ценность: новая теория безопасности в эпоху искусственного интеллекта

Предисловие

Настоящая книга возникла на пересечении нескольких научных дискуссий, каждая из которых сама по себе носит острый и не завершённый характер. Первая из них — о природе безопасности человека и о том, применима ли эта концепция, сложившаяся в 1990-х годах в контексте миропорядка, сложившегося после Холодной войны, к реалиям середины 2020-х. Вторая — об этических и политических последствиях распространения систем искусственного интеллекта, которое к 2026 году приобрело характер технологического сдвига, сопоставимого по масштабу с промышленной революцией. Третья — о методологических основаниях изучения скрытых форм управления человеком в условиях, когда воздействие осуществляется не через явное принуждение, а через незаметную модификацию информационной среды.

Объединение этих дискуссий в единое аналитическое пространство продиктовано необходимостью: ни одна из них в отдельности не даёт ответа на вопрос, который стоит перед исследователем всё настойчивее — каков тот новый тип угрозы, с которым столкнулся человек в эпоху ИИ, и какие инструменты защиты здесь релевантны? Исходная гипотеза, выдвигаемая в данной работе, состоит в следующем: **угроза носит одновременно структурный, культурный и психологический характер, и традиционный арсенал теорий международной безопасности — государственноцентричный, опирающийся на правовые инструменты и военно-политические категории — для её описания и нейтрализации недостаточен.**

Монография не претендует на окончательность выводов. Сфера, которую она исследует, меняется быстрее, чем любой научный текст может за ней угнаться. Цель настоящего исследования иная: предложить концептуальные инструменты, позволяющие удерживать в фокусе именно человека — его достоинство, автономию, способность к моральному суждению — как центральный предмет политики безопасности в эпоху, когда на него претендуют всё более мощные и непрозрачные системы.

Как читать эту книгу

Настоящая монография представляет собой теоретико-аналитическое исследование, построенное по принципу последовательного разворачивания единой концептуальной модели — от философско-нормативных оснований к прикладной стратегии безопасности. Текст рассчитан на читателя с базовой подготовкой в области международных отношений, философии права или социальных наук, однако структура книги позволяет использовать её и в более узких, прикладных целях.

Логика построения текста. Монография организована по принципу восходящей аргументации: каждая последующая глава опирается на понятия и выводы, введённые в предыдущей. Введение задаёт постановку проблемы и цель исследования. Глава 1 формирует теоретический аппарат — категории человечности, автономии и субъектности, без которых невозможно понимание остальных разделов. Глава 2 переносит эти категории в исторический контекст, демонстрируя механизмы массового расчеловечивания на конкретном примере. Главы 3 и 4 разворачивают многоуровневую модель скрытого управления и показывают роль искусственного интеллекта как усилителя этой модели. Глава 5 переводит анализ в правовую и институциональную плоскость, выявляя пределы существующих механизмов регулирования. Глава 6 синтезирует предыдущий материал в виде интегративной стратегии безопасности, завершающейся нормативным «Кодексом защиты человечности».

Такое построение означает, что книга рассчитана прежде всего на последовательное чтение. Пропуск ранних глав затрудняет понимание терминологии и аргументации, используемой в последующих разделах.

Возможные траектории чтения. Читателю, заинтересованному в теоретических основаниях проблемы, целесообразно сосредоточиться на введении и главе 1, где определяются ключевые понятия человечности, автономии и субъектности. Читателю, работающему с историческим и социально-психологическим материалом, будет полезна глава 2, содержащая анализ механизмов подчинения, конформизма и диффузии ответственности. Специалисту по технологической политике и рискам искусственного интеллекта рекомендуется обратиться к главам 3 и 4, где рассматривается многоуровневая модель скрытого управления и технологическое усиление угроз. Практикующему юристу, регулятору или эксперту в области международного права наибольший интерес представит глава 5, посвящённая ограничениям правового и институционального подхода. Наконец, читателю, ориентированному на прикладные рекомендации и разработку политики, следует обращаться непосредственно к главе 6, где представлена интегративная модель безопасности и нормативный кодекс.

Работа со вспомогательными элементами. В тексте книги использованы вспомогательные элементы, облегчающие навигацию и восприятие материала. Подразделы внутри глав выделяют отдельные содержательные блоки и могут использоваться как самостоятельные единицы для точечного обращения к конкретной теме. Иллюстративные схемы, сопровождающие каждую главу, предназначены для визуального обобщения ключевых моделей и не заменяют текстового изложения, а служат для его закрепления. Литературные вставки, размещённые в отдельных главах, выполняют иную функцию: они не содержат новой аналитической информации, а призваны образно передать эмоциональное и экзистенциальное измерение рассматриваемых процессов.

Терминологические пояснения. Поскольку монография вводит ряд авторских теоретических конструкций — в частности, представление о человечестве как «информационной экосистеме» и модель четырёхуровневого скрытого управления, — рекомендуется при первом чтении обращать особое внимание на разделы, где эти понятия определяются впервые. После-

дующее использование данных терминов в тексте опирается на значения, установленные в главах 1 и 3, и не сопровождается повторным разъяснением.

Источники и научный аппарат. Все фактические утверждения, статистические данные и ссылки на международные документы сопровождаются указаниями на источники, приведённые в соответствующих разделах текста. Читателю, заинтересованному в дальнейшей проверке или углублённом изучении отдельных вопросов, рекомендуется обращаться непосредственно к цитируемым первоисточникам — докладам международных организаций, нормативным актам и научным публикациям, перечисленным по тексту книги.

Все иллюстрации подготовлены при содействии ИИ-ассистента.

Введение

Постановка проблемы

Современная техногенная цивилизация вступила в фазу, при которой положение человека в структуре социальной реальности принципиально меняется. Человек перестаёт быть единственным и центральным носителем труда, знания и ответственности — он всё чаще оказывается в положении конкурента или дополнения по отношению к искусственным системам, превосходящим его по скорости обработки информации, объёму памяти и устойчивости к нагрузкам. Особую значимость приобретает тот факт, что совокупное наследие человеческой цивилизации — как материальное, так и духовное — массово используется для обучения систем искусственного интеллекта. Практически весь доступный корпус текстов, изображений, звуков, программного кода и иных форм символической деятельности превращён в обучающую среду для ИИ-моделей.

В этом смысле человечество всё более выступает **информационной экосистемой**: средой, в которой искусственные системы возникают, развиваются и адаптируются. Человеческая деятельность — общение, творчество, поведение в цифровой среде — редуцируется до потока данных, из которых ИИ извлекает закономерности и строит модели, затем используемые для управления теми же людьми. Возникает своеобразный замкнутый контур: человек создаёт культурную и информационную среду → на ней обучается ИИ → ИИ начинает участвовать в структурировании человеческой реальности. Подобная конфигурация порождает угрозу нового типа, которую традиционные концепции безопасности человека не охватывают.

Масштаб технологических изменений подтверждают актуальные данные. По оценкам Gallup, к 2025 году доля американских работников, регулярно использующих ИИ в профессиональной деятельности, возросла с 13% до 28%

в течение одного года. Компании из списка Fortune 500 сокращают административный персонал в пользу ИИ-агентов, способных выполнять задачи аналитики, коммуникации и принятия оперативных решений. Агентство DARPA в 2018–2023 годах инвестировало около 2 млрд долл. только в программу AI Next — разработку алгоритмов нового поколения с возможностями объяснимого ИИ, непрерывного обучения и моделирования здравого смысла. Министерство обороны США заключило соглашения с OpenAI, Google, Microsoft, Amazon, Nvidia и рядом других технологических компаний на развёртывание крупных языковых моделей в засекреченных военных сетях. Концепция Pax Silica, описывающая формирование нового мирового порядка под управлением нескольких технологических платформ, перестала быть метафорой и превратилась в объект аналитики ведущих мировых изданий.

На этом фоне вопрос о безопасности человека приобретает новое измерение: речь идёт не только о защите от физического насилия или экономической уязвимости, но и о защите самой способности человека быть субъектом — носителем автономии, морального суждения и человечности как нормативного качества.

Цель и задачи исследования

Цель настоящего исследования состоит в теоретическом описании структуры угроз человечности в эпоху ИИ и обосновании принципов новой интегральной стратегии безопасности человека. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: концептуализация категорий человечности, автономии и субъектности в нормативном ключе; построение многоуровневой модели скрытого управления человеком с учётом роли ИИ как усилителя; историко-аналитическое исследование механизмов массовой деградации человечности; выявление ограничений правовых и институциональных подходов; формулирование принципов новой стратегии безопасности.

Методология

Исследование опирается на синтез нескольких методологических подходов. Нормативно-аналитический метод применяется для концептуализации человечности и автономии как ценностных категорий, составляющих предмет защиты. Сравнительно-исторический анализ используется для выявления устойчивых механизмов деградации человечности на примере исторических кейсов. Системный анализ применяется при построении многоуровневой модели управления. Технологический анализ на основе верифицированных данных о развитии ИИ-систем позволяет описать специфику современных угроз. Критический дискурс-анализ применяется для выявления механизмов нормализации дегуманизирующих практик в публичном пространстве.

Теоретическая база

Концепция безопасности человека, введённая в международный дискурс в Докладе ПРООН о развитии человека 1994 года, понимает безопасность как свободу от нужды и страха. Настоящая монография расширяет это понимание: к традиционным измерениям — экономическому, продовольственному, здоровью, личной безопасности, экологическому, общественному и политическому — добавляется восьмое: **защита от утраты человечности и субъектности под воздействием технологических систем**. Это расширение не риторическое — оно продиктовано логикой технологического развития, при котором человек рискует стать ресурсом систем, которые он создал, но не контролирует.

Глава 1. Теоретические основания: человечность, автономия, субъектность

1.1. Человечность как нормативное содержание человеческого

Понятие человечности в данном исследовании употребляется не в биологическом, а в нормативном смысле. Человечность — это качество человеческого существования, которое включает признание другого человека как равной ценности и не средства; способность к эмпатии и сопереживанию; наличие внутреннего морального различия; готовность принимать ответственность за собственные действия. Человечность, таким образом, является условием возможности этики и права: без признания другого как субъекта невозможно ни подлинное право, ни подлинная мораль.

Это нормативное определение принципиально отличается от подходов, понимающих человечность исключительно через биологические признаки *Homo sapiens*. Биологический редукционизм уязвим именно в контексте ИИ: биологический вид может сохраняться, тогда как его нормативные качества — способность к моральному суждению, эмпатия, автономия — могут систематически подавляться. Именно поэтому защита человечности как нормативной характеристики самостоятельно стоит как задача политики безопасности.

В современном контексте угрозу человечности создаёт прежде всего тенденция к редукции человека до носителя данных, источника внимания или элемента производственной и управленческой инфраструктуры. Чем сильнее усиливается эта редукция, тем слабее в практике — и в правовом регулировании, и в корпоративных стандартах, и в культурных нормах — закрепляется признание человека как цели, а не средства. Технологические системы, обученные на поведенческих данных людей и применяемые для управления их поведением, не нейтральны по отношению к этой тенденции: они встраиваются в неё, усиливают её и легитимизируют её через авторитет «объективного» алгоритмического вывода.

1.1.1. Инструментализация человека в эпоху больших данных

Переход к экономике данных изменил сами условия, при которых человек оказывается объектом инструментализации. Если в индустриальную эпоху человек использовался как физическая рабочая сила, то в цифровую — как источник данных о поведении, предпочтениях и реакциях. Персонализированный таргетинг, поведенческое моделирование, управление вниманием через алгоритмические ленты — всё это инструменты, целенаправленно оптимизирующие человеческое поведение в интересах платформ, рекламодателей или политических акторов. Принципиально важно, что эти инструменты действуют скрыто: пользователь платформы, как правило, не осознаёт, что алгоритм формирует его информационную среду не в интересах его развития, а в интересах максимизации вовлечённости.

В рамках этой логики человеческая активность приобретает двойной статус. С одной стороны, она остаётся формой самовыражения, коммуникации, творчества и участия в общественной жизни. С другой стороны, та же самая активность становится сырьём для цифровых платформ, алгоритмических систем и моделей машинного обучения, извлекающих из неё коммерчески и политически значимые закономерности. Просмотр страницы, пауза перед видео, интонация сообщения, маршрут перемещения, ритм покупок, длительность чтения текста — всё это превращается в данные, пригодные для обработки, анализа и прогнозирования. Тем самым повседневная жизнь человека перестаёт быть только областью его частного существования и становится элементом инфраструктуры вычисления.

Существенно, что инструментализация в условиях больших данных не всегда носит принудительный или явно насильственный характер. Напротив, её эффективность во многом обес-

печивается тем, что она встроена в привычные практики удобства, персонализации и цифрового комфорта. Пользователь получает сервис, быстрый доступ к информации, рекомендации, навигацию, автоматизацию рутинных действий. Однако плата за это удобство часто выражается не только в передаче отдельных персональных данных, но и в более глубокой утрате контроля над тем, как его поведение фиксируется, интерпретируется и используется. Человек оказывается включён в асимметричную систему обмена, где объём собираемой о нём информации и масштабы её вторичного использования несоразмерны его реальному пониманию происходящего.

Именно здесь проявляется ключевая особенность современной инструментализации: **объектом извлечения становится не только то, что человек знает или производит, но и то, как он чувствует, реагирует, колеблется, ошибается, боится и желает.** Большие данные ценны не потому, что они фиксируют уже завершённые действия, а потому, что позволяют строить вероятностные модели будущего поведения. В этом смысле цифровая экономика стремится не только описывать человека, но и предвосхищать его решения, а затем и мягко направлять их в нужную сторону. Предсказание и воздействие оказываются двумя сторонами одной и той же логики.

Такое положение имеет прямые последствия для нормативного статуса личности. Там, где человек рассматривается прежде всего как массив данных, его достоинство и уникальность уступают место статистической репрезентации. Индивидуальное суждение, моральное колебание, внутренняя работа сознания плохо поддаются формализации и потому вытесняются моделями вероятности, профилями риска и сегментами целевой аудитории. В результате управленческие и коммерческие системы начинают иметь дело не с человеком как с носителем внутренней ценности, а с его вычислимым двойником — цифровым профилем, пригодным для сортировки, ранжирования и поведенческой настройки. Это и есть одна из центральных форм расчеловечивания в цифровую эпоху.

Особую роль в этом процессе играют платформенные архитектуры, организующие внимание пользователя как экономический ресурс. Внимание становится не побочным эффектом участия в коммуникации, а объектом целенаправленной конкуренции, инженерии и эксплуатации. Алгоритмические ленты, механизмы рекомендаций, уведомления, автозапуск контента, адаптивная подача сообщений — все эти инструменты конструируются так, чтобы удерживать человека внутри платформы максимально долго и максимально предсказуемо. При этом интересы пользователя и интересы платформы совпадают лишь частично. Пользователь может стремиться к знанию, общению или отдыху, тогда как платформа оптимизирует метрики удержания, вовлечённости и монетизации. Следовательно, уже на уровне повседневного интерфейса закладывается конфликт между человеческими целями и логикой системы.

Когда-то человеку казалось, что его главное отличие от мира вещей очевидно и не требует доказательств. Камень лежит, дерево растёт, машина работает, а человек помнит, любит, стыдится, отвечает за поступки и может остановить собственную руку, если она поднята во зло. Но новая эпоха принесла иную оптику. Теперь человека всё чаще рассматривают как носитель сигнала, как узел данных, как совокупность реакций, привычек, предпочтений и уязвимостей. В гигантских хранилищах цифровой цивилизации он распадается на следы: фразы, маршруты, покупки, паузы, интонации, тревоги. И в этом распаде возникает соблазн забыть главное: личность не сводится к сумме своих проявлений. Человечность начинается там, где другой перестаёт быть функцией и вновь становится тем, кому нельзя причинять зло лишь потому, что это удобно, выгодно или рационально. Именно с этого отказа от редукции и начинается подлинная безопасность человека.

Важнейшим следствием этого конфликта становится смещение представления о человеке от субъекта к функции. В цифровой среде он начинает оцениваться через показатели кликабельности, конверсии, отклика, времени удержания, платёжеспособности, вероятности согласия или отказа. Эта оценка может быть технически изощрённой и статистически точной, но именно поэтому она особенно опасна: она создаёт иллюзию нейтрального знания о человеке, скрывая тот факт, что речь идёт о редукции личности до набора операционных параметров. Чем больше сфер жизни подчиняется подобной логике, тем слабее сохраняется культурная привычка воспринимать человека как цель, а не как средство.

Инструментализация усиливается и тем, что цифровой след человека редко ограничивается одной платформой или одной функцией. Данные агрегируются, сопоставляются и пере-профилируются. Информация, собранная для улучшения сервиса, может использоваться для маркетингового таргетинга, алгоритмической оценки благонадёжности, политического моделирования или обучения универсальных ИИ-систем. Таким образом, человек предоставляет данные в одном контексте, а последствия их применения проявляются в совершенно другом. Именно эта контекстуальная разорванность создаёт фундаментальную уязвимость: субъект не в состоянии проследить цепочку преобразований, в рамках которой его жизненный опыт становится материалом для внешних решений о нём самом.

В условиях распространения искусственного интеллекта указанная проблема приобретает ещё более острый характер. Большие массивы человеческих текстов, изображений, голо-

сов, паттернов общения и поведения используются не просто для статистического анализа, а для обучения моделей, способных воспроизводить, комбинировать и масштабировать усвоенные закономерности. Следовательно, **человек становится не только объектом цифрового наблюдения, но и средой формирования новых когнитивных инструментов власти**. Его повседневность превращается в обучающий субстрат. Затем эти системы возвращаются к нему в форме цифровых ассистентов, рекомендательных механизмов, автоматизированных фильтров, систем оценки и управления. Возникает замкнутый контур, в котором человек одновременно производит материал для системы и подвергается обратному воздействию этой системы.

Здесь необходимо подчеркнуть, что инструментализация не сводится к нарушению приватности в узком смысле. Приватность — лишь один, хотя и важный, аспект проблемы. Более широкий вопрос состоит в изменении самого способа социального видения человека. Когда социальные институты, корпорации и государственные структуры начинают воспринимать человека прежде всего через его данные, меняется и критерий значимости. Ценится уже не личность как таковая, а её полезность для модели, рынка, безопасности, прогнозирования или автоматизированного администрирования. В этом смысле большие данные формируют не только новый технологический режим, но и новую морально-политическую оптику.

Особенно опасной становится нормализация этой оптики. Чем привычнее общество относится к постоянному извлечению данных, тем менее заметной становится сама утрата субъектности. Человек привыкает к тому, что его предпочтения предугадываются, реакции тестируются, контакты анализируются, а среда вокруг него персонализируется без его явного запроса. Постепенно формируется тип цифровой повседневности, в которой внешнее управление воспринимается как сервис, а ограничение автономии — как цена удобства. Именно в этом состоит качественное отличие современной инструментализации от более грубых исторических форм эксплуатации: она часто не переживается как насилие, поскольку маскируется под эффективность, помощь и индивидуальную настройку среды.

С научной точки зрения это требует пересмотра традиционных представлений о безопасности человека. Если ранее угроза связывалась главным образом с физическим насилием, бедностью, репрессией или войной, то в условиях больших данных возникает дополнительный уровень риска — риск утраты человеком статуса самостоятельного центра оценки и выбора. Безопасность в таком контексте должна включать защиту от тех форм цифровой организации среды, которые делают личность полностью просчитываемой, направляемой и функционально заменимой. Речь идёт не о романтическом отрицании технологий, а о признании того факта, что не всякая технологическая эффективность совместима с сохранением человечности.

Таким образом, инструментализация человека в эпоху больших данных представляет собой системный процесс, в рамках которого человеческая жизнь переводится в формат вычислимого ресурса. Этот процесс затрагивает не только сферу экономики, но и культуру, политику, право и повседневную психологию. Его главная опасность состоит в том, что он подрывает фундаментальное различие между человеком как субъектом и человеком как материалом для управления. В условиях, когда именно это различие начинает стираться, задача защиты человечности становится не факультативным этическим пожеланием, а необходимым элементом новой теории безопасности человека.

1.2. Автономия как реалистическая форма свободы воли

Метафизически свободная воля в строгом философском смысле остаётся предметом дискуссии. Исходной предпосылкой настоящего исследования является отказ от упрощённого понимания свободы воли как абсолютной независимости человеческого решения от каких-либо внешних и внутренних причин. Подобное понимание плохо совместимо с современными данными психологии, нейронаук и социальных наук, показывающими, что человеческое поведение всегда формируется в поле множественных детерминант. Биологические особенности

организма, эмоциональные состояния, травматический опыт, семейные сценарии, групповые нормы, экономические обстоятельства, культурные коды и технологическая среда — все эти факторы воздействуют на процесс выбора. Поэтому метафизически свободная воля в строгом смысле оказывается не столько рабочей аналитической категорией, сколько предметом философского спора.

Однако из признания множественной обусловленности человеческого поведения не следует, что человек полностью лишён свободы в практическом смысле. Такой вывод был бы и теоретически неверным, и политически опасным. Если считать человека полностью определяемым внешними силами, то исчезают основания для ответственности, достоинства и самой идеи субъекта безопасности. Именно поэтому вместо абсолютизированного понятия свободной воли вводится более реалистическая и операциональная категория — **автономия**. Под автономией понимается не безусловная независимость от мира, а ограниченная, но реальная способность человека осознавать свои мотивы, различать альтернативы поведения и сохранять хотя бы минимальный контроль над направлением собственного действия.

Такое понимание автономии имеет принципиальное значение. Оно позволяет удерживать сразу две истины, которые часто искусственно противопоставляются друг другу. Первая состоит в том, что человек уязвим, внушаем и подвержен влиянию среды. Вторая — в том, что даже в условиях этой уязвимости он не сводится полностью к механическому продукту обстоятельств. Между полной свободой и полной детерминированностью существует промежуточное пространство практического самоопределения. Именно это пространство и является предметом защиты в рамках новой теории безопасности человека.

Автономия в данном контексте включает несколько взаимосвязанных измерений. Во-первых, это способность к рефлексии, то есть к распознаванию собственных состояний, мотивов и импульсов. Человек, не способный заметить, что им движет страх, унижение, групповое давление или навязанная тревога, существенно менее автономен, чем человек, способный назвать источник своего состояния. Во-вторых, автономия предполагает различение альтернатив. Даже если выбор труден, ограничен и неблагоприятен, субъект должен хотя бы в минимальной степени видеть, что существуют разные линии поведения. В-третьих, автономия предполагает удержание внутреннего интервала между стимулом и реакцией. Именно в этом интервале возникает возможность не действовать автоматически, а соотнести действие с нормой, целью и образом должного.

В таком понимании автономия не является привилегией абсолютно рационального субъекта, свободного от эмоций и зависимости от среды. Напротив, она совместима с ограниченностью, ошибочностью и внутренней противоречивостью человека. Более того, автономия особенно значима именно потому, что человек не всемогущ. Если бы человеческое поведение было полностью рациональным и прозрачным для самого субъекта, проблема защиты автономии не возникала бы с такой остротой. Она возникает потому, что человек действует в условиях дефицита информации, эмоционального напряжения, социального давления и когнитивных искажений. Автономия в этих условиях выступает не как идеальное состояние, а как практическая способность сохранять ориентиры там, где среда систематически стремится их размыть.

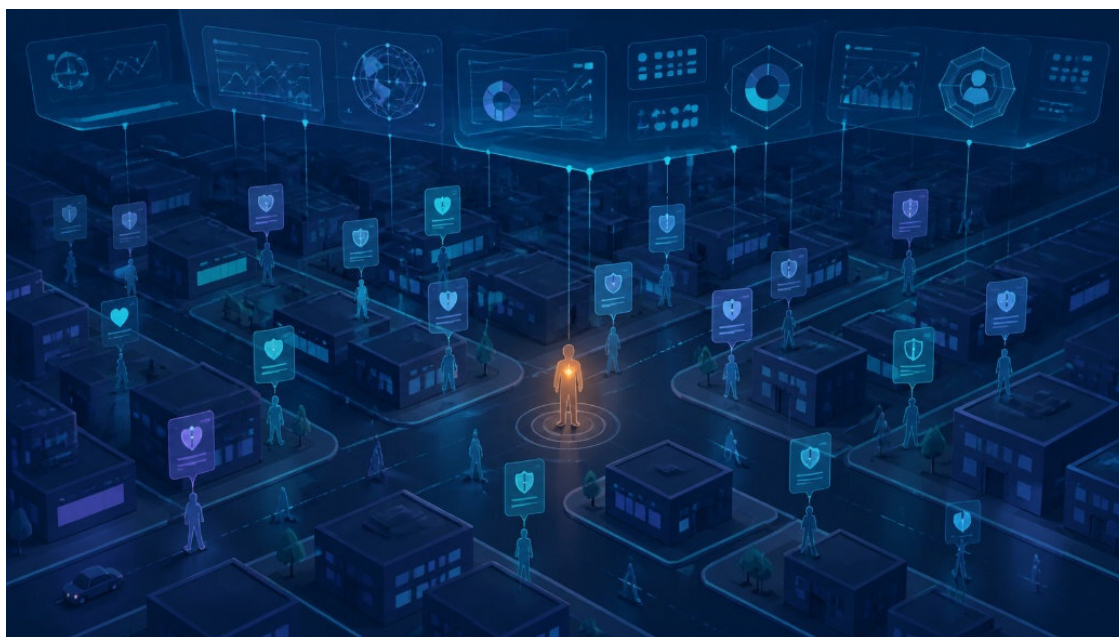
Для теории безопасности это означает следующее: объектом защиты должен быть не миф о полностью независимой воле, а именно **остаток свободы**, сохраняющийся даже при сильной обусловленности. Этот остаток может быть минимальным, но он имеет решающее значение. В пределах именно этого пространства человек способен отказаться от участия в разрушительном действии, не поддаться нормализованной жестокости, не принять расчеловечивающий язык как естественный, не раствориться без остатка в позиции группы или алгоритмически сконструированной среды. Иными словами, автономия является тем практическим минимумом, на котором удерживаются и моральная ответственность, и человечность как нормативное качество.

Особую актуальность проблема автономии приобретает в условиях технологического воздействия. Современные цифровые среды построены таким образом, чтобы не просто обслуживать запрос пользователя, но и предвосхищать, направлять и стабилизировать его поведение. Рекомендательные алгоритмы, системы ранжирования, персонализированная реклама, архитектуры уведомлений, динамические интерфейсы и механизмы переменного подкрепления воздействуют не на уже оформленное решение, а на сам процесс его формирования. Это означает, что современная борьба за влияние всё чаще ведётся не на уровне запрета или прямого приказа, а на уровне незаметной организации поля выбора. Человек продолжает выбирать, но условия, в которых он выбирает, уже заранее сконструированы.

В этой ситуации автономия оказывается под угрозой не потому, что субъекту прямо запрещают думать или действовать, а потому, что его способность к самостоятельному суждению постепенно подменяется навигацией со стороны внешних систем. Алгоритм предлагает «подходящий» контент, «наиболее вероятный» ответ, «релевантный» маршрут, «оптимальное» решение. Каждое отдельное предложение может выглядеть нейтральным и даже полезным. Но в совокупности подобная среда формирует режим мягкой зависимости, в котором человеку всё труднее различать, где заканчивается поддержка и начинается незаметное управление. Именно поэтому защита автономии в эпоху ИИ требует смещения внимания: от грубого насилия к тонким формам технологически опосредованного воздействия.

Важно подчеркнуть, что автономия разрушается не только под влиянием цифровых платформ. Её подтачивают и более широкие социальные механизмы: ускорение темпа жизни, хроническое информационное перенасыщение, состояние перманентной тревоги, давление производительности, требования постоянной доступности и быстрой реакции. В такой среде человеку становится всё труднее сохранять рефлексивную дистанцию по отношению к собственным действиям. Он всё чаще действует по инерции, под влиянием немедленного стимула, привычки или внешней настройки. Следовательно, технологическая угроза автономии должна рассматриваться в связи с общей трансформацией социальной среды, а не изолированно.

С нормативной точки зрения автономия важна не только как условие индивидуального самоуважения, но и как предпосылка моральной и политической жизни. Личность, лишённая способности к собственному суждению, уже не может в полной мере выступать субъектом права, гражданином, носителем ответственности и участником коллективного самоуправления. Там, где автономия систематически замещается автоматизмом, исчезает сама почва для этического действия. Человек может оставаться юридически дееспособным и социально функциональным, но фактически утрачивает способность быть источником осмысленного решения. В этом смысле автономия — не частное психологическое качество, а фундаментальная политико-антропологическая категория.

Можно представить себе город будущего, в котором все решения предельно точны. Там заранее известно, кто склонен к риску, кто поддаётся влиянию, кто уязвим перед страхом, кто легче других соглашается с большинством. Алгоритмы заботливо подсказывают каждому, как жить безопаснее, эффективнее, спокойнее. И всё же в этом городе почти незаметно исчезает нечто важное. Люди перестают спрашивать себя, что они действительно считают добром. Они всё реже переживают внутреннюю борьбу, потому что выбор уже подготовлен для них — мягко, вежливо, с учётом всех данных. Внешне это выглядит как торжество рациональности. Но именно здесь и проходит граница между удобным существованием и человеческой жизнью. Автономия никогда не была безграничной. Она хрупка, неполна, временами едва заметна. Но пока у человека остаётся способность сказать «нет» не только другому, но и собственному автоматизму, человечность ещё не утрачена.

Отсюда вытекает и более широкое следствие для концепции безопасности человека. Если безопасность понимать только как защиту тела, имущества или формальных прав, то утрата автономии может остаться незамеченной до тех пор, пока не примет крайние формы. Между тем разрушение автономии начинается значительно раньше: в тех моментах, когда человек постепенно привыкает принимать внешне сгенерированные рамки как свои собственные; когда перестаёт замечать, как его внимание, желания и интерпретации становятся объектом направленной настройки; когда отказ от самостоятельного суждения начинает восприниматься как нормальная цена удобства, скорости и психологического комфорта. Следовательно, безопасность человека в эпоху ИИ должна включать защиту пространства внутреннего решения как одного из центральных элементов человеческого существования.

В практическом отношении это означает, что автономия должна пониматься как ресурс, требующий поддержания. Она не даётся раз и навсегда и не сохраняется автоматически. Её подрывают повторяющееся давление, информационный шум, эмоциональная перегрузка, привычка к внешним подсказкам и институциональная среда, поощряющая конформизм. Но именно поэтому автономия может и укрепляться: через развитие навыков самонаблюдения, критического мышления, дисциплины внимания, способности выдерживать неопределённость и несогласие с группой. В условиях, когда значительная часть внешней среды организована так, чтобы минимизировать самостоятельное усилие человека, сама способность к внутренней остановке и осмысленному выбору становится формой сопротивления расчеловечиванию.

Таким образом, автономия как реалистическая форма свободы воли представляет собой ключевое звено предлагаемой теории безопасности человека. Она позволяет избежать как наивного идеализма, абсолютизирующего человеческую свободу, так и редукционизма, полностью растворяющего человека в структуре детерминант. Автономия фиксирует ту ограниченную, но реальную зону, в которой человек остаётся способным к моральному различению, внутреннему несогласию и ответственному действию. В эпоху искусственного интеллекта именно эта зона становится одним из главных объектов скрытого воздействия. Поэтому её защита должна рассматриваться не как второстепенная задача индивидуальной психологии, а как фундаментальный элемент новой стратегии безопасности человека.

1.2.1. Угрозы автономии в условиях алгоритмического управления

В условиях цифровой среды угроза автономии принимает специфическую форму, отличающуюся от классических моделей принуждения. Традиционные формы ограничения свободы были, как правило, распознаваемы: приказ, запрет, насилие, цензура, открытая санкция. Алгоритмическое управление действует иначе. Оно не устраняет формальную возможность выбора, а организует среду таким образом, чтобы наиболее вероятным, удобным и психологически комфортным становился заранее предпочтительный вариант поведения. Внешне человек продолжает действовать самостоятельно, однако структура его выбора всё в большей степени формируется не им самим, а архитектурой цифровой среды, созданной для управления вниманием, предпочтениями и реакциями.

Это обстоятельство радикально меняет саму постановку вопроса о свободе. Если субъекту не запрещают выбирать, но систематически настраивают условия выбора, то вмешательство становится менее заметным, но не менее значимым. Более того, в ряде случаев оно оказывается эффективнее прямого принуждения. Запрет вызывает сопротивление, тогда как мягкое алгоритмическое направление поведения чаще всего воспринимается как нейтральный фон, удобный интерфейс или индивидуализированная помощь. Именно поэтому алгоритмическое управление создаёт угрозу, которая редко переживается как насилие, хотя может глубоко затрагивать способность человека к самостоятельному суждению.

Ключевой механизм такой угрозы состоит в переходе от управления действиями к управлению вероятностями. Алгоритмическая система не обязана полностью контролировать человека. Ей достаточно повысить вероятность определённой реакции, определённого выбора, определённого аффекта. Для этого используются персонализированные рекомендации, ранжирование контента, динамика уведомлений, дизайн интерфейса, адаптация информационного потока к ранее зафиксированным слабостям, интересам и эмоциональным паттернам пользователя. В результате автономия не уничтожается одномоментно. Она постепенно размывается через серию малых воздействий, каждое из которых по отдельности может выглядеть несущественным, но в совокупности образует устойчивый режим внешней настройки поведения.

Особенно существенным является тот факт, что алгоритмическое управление опирается на высокую степень знания о человеке. Современные цифровые системы работают не с абстрактным пользователем, а с профилем, построенным на основании поведенческих данных. Этот профиль включает информацию о времени активности, стиле коммуникации, склонности к тревоге, привычных маршрутах внимания, вероятных предпочтениях, темпах принятия решений и реакциях на различные типы стимулов. Следовательно, алгоритм воздействует не на «человека вообще», а на конкретного человека в его статистически вычисленной уязвимости. В этом и состоит качественное отличие нового режима управления: он персонализирован, непрерывен и опирается на предсказательную аналитику.

Такой режим воздействия затрагивает прежде всего сферу внимания. В условиях информационного перенасыщения именно внимание становится узким ресурсом, борьба за который определяет архитектуру цифровой среды. Но внимание — это не нейтральная техническая функция. От того, на что человек смотрит, что читает, какие темы считает значимыми и какие

интерпретации получает первыми, зависит структура его восприятия мира. Поэтому управление вниманием неизбежно превращается в управление когнитивной и моральной ориентацией субъекта. Когда алгоритм решает, что именно будет показано человеку, в каком порядке, с какой частотой и в каком эмоциональном сопровождении, он тем самым вмешивается в процесс формирования оценок, убеждений и реакций.

Следующая угроза связана с эксплуатацией когнитивных искажений. Человеческое мышление не является полностью рациональным. Оно подвержено эффекту подтверждения, эвристике доступности, склонности переоценивать эмоционально насыщенную информацию, зависимости от социального одобрения и от немедленного вознаграждения. Алгоритмические системы не просто сталкиваются с этими свойствами человеческой психики; они систематически строятся так, чтобы использовать их в целях удержания, вовлечения или конверсии. В этом смысле алгоритмическое управление не противостоит человеческой слабости, а превращает её в функциональный элемент собственной эффективности. Автономия здесь подрывается не вопреки человеческой природе, а через её статистически улавливаемые уязвимости.

Не менее важна угроза, связанная с нормализацией автоматического согласия. Когда пользователь ежедневно получает готовые рекомендации, автозаполненные ответы, оптимизированные маршруты и заранее отсортированные наборы альтернатив, у него постепенно снижается мотивация к самостоятельному поиску, сравнению и оценке. Формируется привычка полагаться на предварительно обработанную реальность. На первом этапе это воспринимается как экономия времени и когнитивных усилий. Однако в более долгосрочной перспективе возникает зависимость от внешней интеллектуальной инфраструктуры, которая ослабляет способность субъекта выдерживать неопределённость, самостоятельно формулировать критерии выбора и нести за него внутреннюю ответственность. Автономия в такой среде не исчезает формально, но атрофируется функционально.

Особую опасность представляет алгоритмическая персонализация информационного окружения. Человек всё чаще существует не в общем публичном пространстве, а в индивидуально сконструированной медийной среде, где подбор сообщений, новостей, образов и интерпретаций осуществляется на основе прогнозируемой реакции. Это означает, что сам мир, с которым сталкивается субъект, уже частично отфильтрован и переупорядочен до него. Такой пользователь может быть уверен, что он свободно оценивает реальность, хотя на деле оценивает лишь специально подобранную её конфигурацию. Автономия в этих условиях подрывается на до-рефлексивном уровне: субъект ещё не начал суждение, а материал для него уже структурирован внешней системой.

Отсюда вытекает и более глубокая проблема — проблема невидимости воздействия. Традиционное насилие можно распознать. Прямую цензуру можно назвать цензурой. Но когда алгоритм «просто показывает более релевантное», «помогает принять решение», «предлагает подходящий контент» или «снижает когнитивную нагрузку», воздействие маскируется под сервисную функцию. В этом состоит одно из наиболее опасных качеств алгоритмического управления: оно встраивается в повседневность без явных сигналов опасности. Человек может искренне считать себя автономным именно в тот момент, когда его когнитивная среда наиболее глубоко структурирована извне.

Отдельного внимания заслуживает связь алгоритмического управления с эмоциональной регуляцией. Современные платформы и ИИ-системы всё точнее распознают аффективные состояния пользователя и всё эффективнее подстраивают контент под его эмоциональный профиль. Тревожному пользователю подаётся один тип сообщений, раздражённому — другой, склонному к зависимости от признания — третий. Это создаёт условия, при которых цифровая среда не просто реагирует на эмоции, а начинает участвовать в их циклическом воспроизводстве и усилении. Человек всё чаще движется по эмоциональной траектории, частично сконструированной машинной логикой оптимизации. При таком положении дел автономия

оказывается затронутой в самой своей глубине, поскольку решение неотделимо от состояния, в котором оно принимается.

Важным измерением проблемы является и социальный уровень. Алгоритмическое управление не ограничивается индивидуальной манипуляцией. Через механизмы рекомендаций, видимости, ранжирования и вирусного распространения оно организует коллективные динамики: поляризацию, стадное возмущение, моральные паники, кампании исключения, цифровые формы конформизма. Субъект в такой среде сталкивается не просто с воздействием системы, но и с искусственно усиленным давлением группы. Алгоритм, оптимизирующий вовлечённость, как правило, усиливает контент, вызывающий сильную реакцию. Тем самым он способствует формированию эмоционально насыщенных коллективных сред, в которых отклонение от доминирующей позиции становится психологически и социально затратным. Автономия здесь сужается уже не только как способность выбирать, но и как способность выдерживать отличие от алгоритмически усиленного большинства.

Всё это имеет прямое отношение к проблеме морального суждения. Автономия важна не сама по себе, а потому, что именно она делает возможным различие между допустимым и недопустимым, справедливым и несправедливым, человеческим и бесчеловечным. Если цифровая среда последовательно подталкивает субъекта к реактивности, ускоренному отклику, зависимости от внешней валидации и привычке к готовым решениям, то ослабляется не только когнитивная самостоятельность, но и нравственная способность к внутренней паузе. Между стимулом и действием остаётся всё меньше пространства для вопроса: «Должен ли я поступать именно так?» В этом смысле алгоритмическое управление затрагивает не периферию личности, а её нормативное ядро.

Важно, однако, подчеркнуть, что даже в этих условиях автономия не исчезает полностью. Именно эта мысль имеет принципиальное значение для всей логики книги. Человек остаётся существом, способным к сопротивлению, рефлексии и внутреннему отказу. Но для сохранения этой способности требуется признать, что современные угрозы автономии работают преимущественно не через грубое подавление, а через тонкую и непрерывную перестройку среды выбора. Если это не учитывать, защита автономии будет ошибочно сводиться к защите формальных прав при игнорировании тех повседневных микромеханизмов, через которые субъект постепенно утрачивает пространство внутренней свободы.

Следовательно, угроза автономии в условиях алгоритмического управления должна пониматься как структурная угроза безопасности человека. Она затрагивает не только частную сферу пользовательского опыта, но и более широкие основания человеческой субъектности: способность к независимому суждению, к несогласию, к моральной ответственности и к отказу участвовать в бесчеловечных практиках. В эпоху ИИ защита автономии означает защиту самой возможности быть человеком не только в юридическом, но и в глубоко нормативном смысле.

1.3. Субъектность как «я + мы»

Человек не существует как субъект в изоляции. Его способность осознавать себя, различать допустимое и недопустимое, принимать решения и нести за них ответственность формируется не вне отношений, а внутри них. С первых этапов жизни личность возникает в пространстве взаимодействия с другими людьми — прежде всего с теми, кто осуществляет заботу, контроль, воспитание и передачу норм. Поэтому субъектность не может быть понята исключительно как внутреннее свойство отдельного индивида. Она всегда имеет реляционный характер: человек становится субъектом не только через внутреннюю рефлекссию, но и через включённость в структуры признания, ожидания, поддержки и давления.

Именно в этом смысле субъектность может быть описана формулой «я + мы». «Я» обозначает внутренний центр осознания, совести и ответственности. Это та точка, в которой человек способен сказать: «Это моё решение», «Это мой отказ», «Это моя граница», «За это отвечаю я». Однако это «я» никогда не формируется в пустоте. Оно складывается внутри «мы»

— семей, сообществ, профессиональных групп, поколений, наций, культурных и религиозных традиций, политических коллективов. Коллективное измерение не является внешним фоном для личности. Оно участвует в самом производстве субъекта: задаёт язык самоописания, схемы принадлежности, модели лояльности и допустимые формы несогласия.

Отсюда следует принципиально важный вывод: субъектность по своей природе двойственна. Она включает, с одной стороны, индивидуальную автономию, без которой невозможно внутреннее моральное суждение. С другой стороны, она включает коллективную включённость, без которой человек лишается социальных условий для формирования идентичности и устойчивости. Иными словами, человек не может быть субъектом без «я», но не может быть им и без «мы». Лишённый опоры в отношениях, он становится уязвимым и дезориентированным. Лишённый внутренней автономии внутри коллектива, он превращается в носителя навязанных сценариев. Субъектность следовательно возникает не в отрицании коллективного, а в напряжённом равновесии между индивидуальным и общим.

Семья является первой и, во многих случаях, наиболее глубокой средой формирования такого равновесия. Именно здесь закладываются базовые сценарии доверия, подчинения, насилия, эмпатии, стыда, вины и признания. Если семейная среда позволяет ребёнку пережить опыт признания как ценности, а не только как функции, у него формируются предпосылки автономии и моральной устойчивости. Если же семья воспроизводит отношения гиперконтроля, унижения, инструментального использования или эмоциональной непредсказуемости, то базовое «я» изначально формируется в режиме подчинения или саморастворения. В дальнейшем такие схемы переносятся на отношения с более широкими коллективами и институтами. Следовательно, субъектность всегда несёт на себе отпечаток ранних структур «мы».

Однако влияние коллектива не ограничивается семьёй. Малые группы — школа, дружеская среда, профессиональное сообщество, религиозная община, армейский коллектив, политическая организация — не только обеспечивают ресурсы социализации, но и задают нормы допустимого поведения. Через них человек узнаёт, что считается «своим» и «чужим», какая эмоция легитимна, за что следует стыдиться, чем нужно гордиться, когда нужно молчать, а когда — говорить. Эти правила могут укреплять субъектность, если они допускают личную ответственность и моральное различие. Но они же могут разрушать её, если требуют от человека отказа от внутреннего суждения во имя лояльности группе. В таком случае «мы» перестаёт быть условием субъектности и становится механизмом её подавления.

Поэтому вопрос состоит не в том, нужен ли человеку коллектив. Он нужен неизбежно. Вопрос в другом: какой именно тип коллективности совместим с сохранением человечности. Субъектность не уничтожается самим фактом принадлежности. Она уничтожается тогда, когда коллектив начинает претендовать на полное поглощение личности, когда внутреннее несогласие объявляется предательством, а моральный отказ — отклонением от нормы. Там, где группа требует систематического участия в бесчеловечных практиках или принятия бесчеловечного языка как обязательного, субъектность разрушается в своей основе. Человек перестаёт быть носителем личной ответственности и превращается в функцию общего механизма.

В этом отношении особую значимость имеет различие между коллективом как **опорой** и коллективом как **инструментом давления**. Коллектив как опора расширяет возможности личности: он даёт чувство принадлежности, предоставляет помощь, обеспечивает символические и материальные ресурсы сопротивления внешнему насилию. Коллектив как давление, напротив, сокращает внутреннее пространство выбора: он навязывает идентичность, принуждает к конформизму, делает несогласие психологически и социально опасным. Одни и те же социальные формы — например, государство, церковь, профессиональная группа или цифровое сообщество — могут выполнять обе функции, в зависимости от того, каким образом в них организованы отношения между общим и индивидуальным.

Именно здесь становится особенно важной связь между субъектностью и человечностью. Человечность не может удерживаться только на уровне индивидуального намерения. Ей необходимы коллективные формы поддержки: языки солидарности, практики взаимного признания, нормы ограничения власти, культура уважения к достоинству другого. Но человечность не может быть полностью делегирована и коллективу. История показывает, что именно коллективные структуры — при определённых условиях — способны наиболее эффективно нормализовать дегуманизацию, если в них исчезает пространство личного морального отказа. Следовательно, субъектность как «я + мы» предполагает постоянную проверку: поддерживает ли конкретное «мы» человечность «я», или оно требует её жертвы.

В современном мире эта проблема приобретает новые формы под влиянием цифровой среды. Алгоритмически организованные платформы создают сообщества, которые по внешним признакам напоминают традиционные коллективы: они дают ощущение принадлежности, совместной эмоции, разделяемого языка и общего врага. Однако эти цифровые «мы» обладают особенностями, радикально меняющими условия формирования субъектности. Во-первых, они масштабируются практически мгновенно. Во-вторых, их динамика управляется не только участниками, но и архитектурой платформы, оптимизирующей вовлечённость. В-третьих, они часто существуют в условиях анонимности, сниженной ответственности и высокой аффективной насыщенности. Это означает, что субъект попадает в коллективную среду, где давление группы усиливается алгоритмически, а внутренние тормоза ослабевают.

Такая среда создаёт двойную угрозу. С одной стороны, она может давать человеку иллюзию усиленной субъектности: участие в цифровом коллективе переживается как обретение голоса, видимости и политической значимости. С другой стороны, именно в этой среде возрастает вероятность слияния личности с групповым аффектом. Индивид начинает говорить и действовать от имени «мы», не проходя путь внутренней проверки сказанного или сделанного. Это особенно заметно в ситуациях цифровой травли, массового возмущения, коллективного унижения и символического исключения. В подобных эпизодах коллективная динамика часто организована так, что личное сомнение воспринимается как слабость, а нравственная пауза — как отказ от солидарности. Следовательно, цифровое «мы» может не усиливать субъектность, а растворять её.

Для теории безопасности человека это имеет фундаментальное значение. Если автономия описывает внутреннюю способность субъекта к различению и выбору, то субъектность как «я + мы» показывает, в каких социальных формах эта способность поддерживается или подтачивается. Человек не может быть защищён только через индивидуальные механизмы, если окружающие его коллективные структуры систематически воспроизводят насилие, конформизм и расчеловечивание. В то же время он не может быть защищён и через абстрактное коллективное благо, если ради него уничтожается личная совесть. Следовательно, безопасность человека требует таких социальных условий, при которых «мы» не отменяет «я», а делает его более устойчивым и ответственным.

Отсюда вытекает и важное политическое следствие. Любой порядок, претендующий на защиту человека, должен оцениваться не только по степени своей эффективности, стабильности или способности обеспечивать лояльность, но и по тому, создаёт ли он пространство для личного морального суждения. Государство, организация, цифровая платформа или идеологическое движение могут быть высоко интегрированными и функциональными, но при этом разрушать субъектность, если их внутренняя логика требует от личности полного совпадения с коллективной линией. В таком случае речь идёт уже не о поддержании общего, а о структурном подавлении человечности через коллективные формы.

Поэтому сохранение субъектности предполагает выполнение как минимум трёх условий. Во-первых, коллективные структуры не должны уничтожать автономию личности. Во-вторых, они не должны требовать систематического участия в бесчеловечных практиках. В-третьих,

они не должны объявлять отказ от таких практик признаком измены, девиации или социальной неполноценности. Эти условия уже намечены в исходной логике текста и образуют минимальный нормативный порог, ниже которого «мы» перестаёт быть человеческим сообществом в полном смысле слова.

В итоговом смысле субъектность как «я + мы» следует понимать как динамическое единство внутренней ответственности и социальной укоренённости. Человек становится субъектом не тогда, когда полностью отказывается от коллективной принадлежности, и не тогда, когда без остатка растворяется в ней. Он становится субъектом тогда, когда способен оставаться частью «мы», не теряя права на внутреннее «нет»; когда коллектив поддерживает, а не отменяет совесть; когда принадлежность усиливает человечность, а не подменяет её дисциплиной и страхом. В эпоху ИИ и алгоритмически управляемых сред эта задача становится особенно трудной, поскольку новые формы коллективности всё чаще формируются не вокруг длительных институтов, а вокруг управляемых цифровых потоков аффекта. Именно поэтому защита субъектности должна рассматриваться как один из центральных элементов новой теории безопасности человека.

Глава 2. Исторический анализ деградации человечности: уроки для современности

2.1. Логика деградации: парадигматический случай

Исторический опыт Германии 1930–1940-х годов занимает в настоящем исследовании особое место не потому, что он может быть механически перенесён на современные процессы, а потому, что он предоставляет наиболее ясно документированный пример того, как общество с высокой культурной, научной и институциональной сложностью способно пройти путь от формальной цивилизованности к систематическому расчеловечиванию. Именно поэтому данный случай следует рассматривать не как исключение, успокаивающее современность своей якобы уникальностью, а как аналитический образец, позволяющий выявить внутреннюю логику деградации человечности в общественном масштабе.

Принципиально важно подчеркнуть, что деградация не произошла одномоментно. Она не свелась к внезапному всплеску насилия и не была результатом действия лишь небольшой группы фанатиков. Напротив, её историческая опасность состоит в том, что разрушение человечности разворачивалось постепенно, этап за этапом, приобретая характер социальной нормы, институционального порядка и морально оправданной необходимости. Именно эта постепенность и делает данный случай парадигматическим: он позволяет увидеть, как недопустимое становится допустимым, затем привычным, а затем — обязательным.

Первый этап можно определить как **формирование враждебного мировоззрения**. Речь идёт не просто о появлении политических врагов или о жёсткой идеологической полемике. На этом этапе создаётся целостная картина мира, в которой определённые группы людей представляются не как оппоненты, а как экзистенциальная угроза существованию «своих». В подобной картине мира «чужой» перестаёт быть человеком, обладающим равной ценностью, и превращается в носителя опасности, порчи, заговора, разложения или биологической угрозы. Это критический момент, потому что именно здесь начинается когнитивное разрушение человечности: прежде чем человека можно будет исключить, ограничить в правах или уничтожить, его необходимо поместить за пределы нравственного сообщества.

ЭСКАЛАЦИЯ СТРУКТУРНОГО НАСИЛИЯ: ПОЭТАПНЫЙ МЕХАНИЗМ

Формирование такого мировоззрения требует систематической работы с языком, символами и интерпретациями. Дегуманизация не начинается с лагеря или расстрела; она начинается с устойчивого повторения понятий, метафор и сюжетов, в которых одни представлены как подлинные носители порядка, культуры и будущего, а другие — как паразитарный элемент, как

разрушительная сила, как нечто избыточное или вредное. Тем самым закладывается основа моральной асимметрии: сострадание к «своим» усиливается, тогда как эмпатия к «чужим» объявляется слабостью, наивностью или изменой.

Второй этап — **институциональное закрепление неравенства**. Как только враждебная картина мира получает достаточную социальную легитимацию, она переводится в язык институтов. Дискриминация перестаёт быть частным предрассудком и начинает закрепляться в правовых, административных и политических формах. Изменяются правила участия в общественной жизни, доступ к профессиям, образованию, собственности, правосудию. Важно, что на этой стадии насилие ещё может не носить тотального физического характера. Однако именно здесь происходит один из ключевых сдвигов: исключение перестаёт быть стихийной практикой и становится порядком, санкционированным властью.

Значение этого этапа трудно переоценить. Пока неравенство существует как социальное предубеждение, оно может встречать сопротивление со стороны права и институтов. Когда же сами институты начинают оформлять неравенство как норму, человек лишается не только общественного признания, но и механизмов защиты. Более того, институционализация создаёт для большинства эффект морального успокоения: если дискриминация закреплена законом, распоряжением, процедурой, она перестаёт восприниматься как произвол и начинает казаться элементом «законного порядка». В этом состоит один из глубочайших механизмов деградации: зло облекается в форму администрирования и тем самым утрачивает для многих свой очевидно бесчеловечный характер.

Третий этап — **социальная сегрегация и экономическое вытеснение**. После того как различие между «своими» и «чужими» оформлено идеологически и закреплено институционально, начинается реальная перестройка социального пространства. Целые группы вытесняются из сфер труда, образования, публичного участия и символической видимости. Их присутствие в обществе сокращается не только физически, но и культурно: они перестают восприниматься как полноправные участники общей жизни. Сегрегация выполняет здесь двойную функцию. С одной стороны, она делает уязвимую группу материально зависимой и бесправной. С другой — она приучает большинство к её отсутствию, а затем и к мысли, что это отсутствие естественно и справедливо.

На данной стадии особенно важен процесс привыкания. Деградация человечности не требует, чтобы большинство активно желало крайнего насилия с самого начала. Достаточно, чтобы оно шаг за шагом адаптировалось к возрастающему уровню исключения и утраты прав другой группы. Привыкание к несправедливости является одним из центральных механизмов исторической деградации. Каждый новый шаг может восприниматься как временный, технический, вынужденный или не столь уж значительный по сравнению с предыдущим. Но именно последовательность таких «не слишком значительных» шагов и создаёт возможность для следующей, более радикальной стадии.

Четвёртый этап — **нормализация и индустриализация насилия**. Когда образ врага сформирован, неравенство институционально оформлено, а общество привыкло к изоляции и обесцениванию определённых групп, массовое насилие перестаёт восприниматься как моральный разрыв. Оно включается в систему управления как функция. Насилие становится не исключением, а рутинной; не вспышкой, а процедурой; не актом личной жестокости, а элементом организованного механизма. Именно в этом смысле можно говорить об индустриализации расчеловечивания: уничтожение людей подчиняется логике учёта, транспортировки, распределения ролей, нормативов эффективности и управленческой координации.

История редко входит в дом через парадную дверь. Чаще она просачивается через привычку. Сначала меняется интонация. Потом одно слово становится позволительным, другое — смешным, третье — опасным. Затем человек привыкает не замечать унижения, если оно касается не его. Ещё немного — и вчерашняя жестокость начинает выглядеть как порядок, а вчерашний ужас — как необходимость. Так разрушается человечность: не мгновенно, а ступенчато, через тысячи малых уступок, каждая из которых кажется частной, случайной, временной. В этом и состоит страшный урок Европы 1930–1940-х годов. Массовое зло редко начинается с фабрик смерти. Оно начинается с того дня, когда один человек перестает видеть в другом равного себе и находит для этого удобное объяснение — политическое, научное, экономическое или нравственное. После этого машины истории начинают работать с пугающей исправностью.

Суть этой стадии состоит не только в масштабе убийства, но и в характере его организации. Массовое насилие становится возможным тогда, когда множество участников включены в систему частичных функций и не переживают себя как носителей полной моральной ответственности. Один оформляет документы, другой организует логистику, третий осуществляет охрану, четвёртый исполняет приказ, пятый обосновывает происходящее идеологически. В результате каждый отдельный участник может воспринимать собственную роль как техническую, второстепенную или вынужденную. Так возникает одна из самых опасных форм деградации: человек участвует в бесчеловечной системе, не считая себя субъектом зла.

Следовательно, логика деградации работает одновременно в двух направлениях. Во-первых, она уничтожает человечность жертв, лишая их статуса полноправных людей в глазах окружающих. Жертва всё меньше воспринимается как носитель достоинства, всё больше — как категория, проблема, риск, препятствие. Во-вторых, она разрушает человечность самих исполнителей и соучастников, поскольку те утрачивают способность воспринимать собственные действия как морально значимые. Они перестают спрашивать не только о том, кто перед ними, но и о том, кем становятся они сами. Эта двойная деградация особенно важна для настоящего исследования, поскольку показывает: расчеловечивание направлено не только против уничтожаемого другого, но и против структуры субъекта как таковой.

Парадигматичность германского случая состоит также в том, что он разрушает удобную иллюзию о том, будто масштабное зло возможно лишь в условиях «варварства» или инсти-

туциональной отсталости. Напротив, трагедия развернулась в обществе с высоким уровнем образования, развитой бюрократией, научной инфраструктурой и культурной традицией. Это означает, что сами по себе образованность, технологическое развитие и административная эффективность не являются гарантией человечности. Более того, при определённых условиях они способны стать инструментами её разрушения, если включаются в систему, где нравственный статус человека уже подорван.

Именно поэтому рассматриваемый случай принципиально важен для анализа современности. Его значение не сводится к морализирующему напоминанию о прошлом. Он демонстрирует структурную закономерность: массовое расчеловечивание требует сочетания идеологической подготовки, институционального оформления, социальной адаптации и функционального распределения ответственности. Эта закономерность не принадлежит только одному времени или одному режиму. Она указывает на универсальную уязвимость человеческих обществ, особенно в ситуациях кризиса, поляризации и технологического усиления механизмов управления.

В рамках настоящей монографии данный анализ нужен не для проведения прямых исторических аналогий, а для выявления операциональной модели. Если в прошлом дегуманизация распространялась через печатную пропаганду, административное давление и физическую сегрегацию, то в современную эпоху сходная логика может быть усилена и ускорена цифровыми платформами, алгоритмической фильтрацией контента и ИИ-системами, способными масштабировать враждебные нарративы и управлять коллективными аффектами. Исторический пример, таким образом, служит не аргументом по аналогии, а методологическим инструментом: он показывает, какие именно признаки следует считать ранними индикаторами деградации человечности.

Поэтому «логика деградации» в данном разделе должна пониматься как аналитическая последовательность. Сначала меняется язык. Затем меняются нормы. Затем меняется структура участия в общей жизни. Затем насилие входит в режим повседневности и функциональной необходимости. Именно этот переход от слов к институтам, от институтов к исключению, от исключения к рутинному насилию и делает парадигматический случай столь важным для новой теории безопасности человека. Он показывает, что защита человечности должна начинаться задолго до крайних форм разрушения — на тех стадиях, когда общество ещё убеждено, что ничего необратимого не происходит.

2.2. Психологические механизмы

Если предыдущий подраздел описывал институциональную и историческую логику деградации человечности, то теперь необходимо обратиться к тем психологическим механизмам, которые делают эту деградацию возможной на уровне повседневного поведения обычных людей. Историческая катастрофа не возникает только из идеологии, приказа или административного устройства. Она требует внутренней перестройки способов восприятия, подчинения, оправдания и эмоциональной адаптации. Именно поэтому анализ психологических механизмов имеет не вспомогательное, а центральное значение: он позволяет объяснить, каким образом человек, не являющийся изначально носителем радикального зла, может оказаться включён в бесчеловечные практики и начать воспринимать их как допустимые, неизбежные или даже должные.

Принципиально важно, что речь идёт не о «патологических» индивидах в узком клиническом смысле. Наиболее тревожный вывод социальной психологии XX века состоял именно в том, что участие в разрушительных действиях часто обеспечивается не исключительной жестокостью, а обычными механизмами человеческой адаптации к социальной среде. Человек стремится согласовывать себя с авторитетом, избегать изоляции, снижать внутреннее напряжение, рационализировать собственное участие в коллективном действии и переносить ответственность на внешние инстанции. Эти тенденции сами по себе не являются отклонением. Более

того, в обычной социальной жизни они могут выполнять интегративную функцию. Опасность возникает тогда, когда именно они включаются в структуру, где бесчеловечное становится нормой.

Первый механизм — **подчинение авторитету**. Его значение состоит не только в том, что люди склонны выполнять указания вышестоящих инстанций. Более существенно другое: авторитет обладает способностью перераспределять моральную ответственность. Когда действие исходит как приказ, инструкция, профессиональное требование или государственная норма, субъект начинает воспринимать себя не как источник решения, а как передаточное звено. Это снижает внутреннее напряжение, связанное с причинением вреда другому, и облегчает участие в действиях, которые в иных условиях могли бы быть отвергнуты как недопустимые. Психологическая функция авторитета заключается, таким образом, не только в принуждении, но и в предоставлении морального алиби.

Именно поэтому подчинение авторитету следует понимать аналитически шире, чем простое послушание. Авторитет структурирует пространство допустимого. Он определяет, что считается обязанностью, нормой, служебной функцией, долгом перед коллективом или государством. Если такая инстанция легитимирует бесчеловечное действие, значительная часть людей перестаёт оценивать его по внутреннему нравственному критерию и начинает оценивать по критерию соответствия ожиданию власти. Субъект не обязательно перестаёт чувствовать внутренний дискомфорт, но он учится интерпретировать этот дискомфорт как слабость, ошибку или издержку исполнения более высокой необходимости. Тем самым моральный конфликт не исчезает, а подавляется через переопределение его смысла.

Второй механизм — **конформизм по отношению к группе**. Человек является существом социальным не только в смысле потребности в принадлежности, но и в смысле глубокой зависимости от коллективного подтверждения реальности. Группа даёт не просто поддержку; она подтверждает, что именно следует считать нормальным, допустимым, очевидным и заслуживающим одобрения. Поэтому расхождение с группой воспринимается не как абстрактное интеллектуальное несогласие, а как риск утраты принадлежности, признания и безопасности. Даже тогда, когда индивид внутренне сомневается, он может предпочесть внешнее согласие, чтобы избежать социального исключения.

С аналитической точки зрения конформизм важен тем, что он связывает когнитивный и аффективный уровни поведения. Человек не только внешне соглашается с группой, но и постепенно начинает видеть ситуацию её глазами. Повторяющееся присутствие в среде, где определённые оценки нормализованы, снижает интенсивность внутреннего сопротивления. Морально сомнительное начинает казаться менее сомнительным просто потому, что оно многократно подтверждается значимым окружением. Именно поэтому конформизм является не вторичным, а структурным механизмом деградации: он обеспечивает переход от внешнего приспособления к внутреннему привыканию.

Третий механизм — **постепенная адаптация к возрастающему уровню жестокости**. Одним из самых опасных свойств психики является способность приспосабливаться к тому, что первоначально вызывает шок, отторжение или стыд. Если бесчеловечное не вводится одномоментно в крайней форме, а разворачивается через последовательность малых сдвигов, сопротивление ослабевает. Каждый следующий шаг оценивается уже не по первоначальной моральной норме, а по отношению к предыдущему шагу. То, что ещё недавно казалось невыносимым, начинает восприниматься как продолжение уже принятого курса. Так работает психологическая логика нормализации.

Смысл этого механизма состоит в смещении порога чувствительности. На ранней стадии человек ещё способен распознавать происходящее как недопустимое. Однако если он не сопротивляется первому шагу, а затем второму, то постепенно утрачивает сам критерий, на основе которого мог бы отвергнуть третий. Возникает своеобразная моральная эрозия: не разо-

вый отказ от человечности, а постепенное привыкание к её сокращению. В этом отношении психологическая адаптация тесно связана с институциональной логикой предыдущего подраздела. Институты задают последовательность сдвигов, а психика обеспечивает возможность жить внутри них, не разрушаясь от постоянного когнитивного конфликта.

Четвёртый механизм — **диффузия ответственности**. В сложных социальных системах действие почти никогда не осуществляется одним субъектом от начала до конца. Оно распределено между множеством ролей, функций, процедур и уровней принятия решений. Такая распределённость повышает эффективность системы, но одновременно снижает интенсивность личного переживания ответственности. Каждый участник может считать свой вклад минимальным, техническим или заменимым. Один принимает решение, другой формализует его, третий передаёт дальше, четвёртый обеспечивает исполнение, пятый лишь «не вмешивается». В результате общее бесчеловечное действие осуществляется коллективно, но не переживается никем как целиком принадлежащее ему.

Психологически это один из наиболее устойчивых механизмов самооправдания. Человек не отрицает факт происходящего, но дистанцирует себя от него посредством формулы: «от меня ничего не зависело», «я лишь исполнял роль», «решение принималось выше», «если бы не я, сделал бы кто-то другой». Подобные формулы особенно характерны для административных и технологически опосредованных систем, где прямая связь между действием и его последствием скрыта множеством процедурных звеньев. Диффузия ответственности тем сильнее, чем более обезличенным, бюрократизированным и технологизированным является контекст действия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.